

Левон Абрамян

Ереван: память и забвение в организации пространства постсоветского города

Ереван отметил в 2008 г. свое 2790-летие. В 782 г. до н.э. была основана урартская крепость Эребуни, наследницей которой, в том числе в имени, считают свой город ереванцы. Вместе с тем принятая здесь строительная практика всегда была направлена против сохранения истории города, так что большинство старых структур, как правило, полностью перестраиваются. Если коммунистические деятели вчерашнего дня уничтожали религиозные сооружения, то энергичные архитекторы сегодняшнего дня расправляются с гражданскими объектами города. Впрочем, подобное распределение сфер деятельности несколько условное. Даже Александр Таманян, положивший начало современному Еревану, разрушил средневековую часовню, чтобы построить на ее месте свое знаменитое здание Театра оперы и балета. Правда, он это сделал не в пылу антирелигиозной кампании, а руководствуясь конструктивистскими и мистическими идеями, однако в результате мы имеем ту же (в данном случае еще более разрушительную) перестройку.

Левон Амаякович Абрамян

Институт археологии
и этнографии НАН РА,
Ереван, Армения
levon_abrahamian@yahoo.com

Можно сказать, что вербальная патетика памяти (постоянно подчеркиваемая гордость древностью города — память на уровне *слова*) находится в противоречии с *делом*. Причем на месте разрушенного старого порой строится новое, подменяющее старое — например, ресторан «Старый Эриван» в центре города с псевдоисторической и псевдоэтнографической атрибутикой. Так что туристы, посещающие Ереван, удивляются, видя вместо декларируемого древнего города нечто совершенно новое. К счастью, крепость Эребуни, материальное подтверждение древности города, была археологически реконструирована лишь в последнее время и находится несколько в стороне от активно перестраиваемой зоны. Правда, в настоящее время имеются серьезные причины сомневаться в верности принятой реконструкции, так что здесь мы тоже должны быть готовы к существенным перестройкам в будущем.

Переименование: воссоздание Золотого века

В Ереване процесс переименования, который начался вскоре после обретения независимости в 1991 г., придерживался особой модели, которая определяет в целом историческую ориентированность в построении национального государства. Но в этом не было ностальгии по досоветскому Еревану (в отличие от переименований в Москве), тем более что в советское время город не столько переименовывался, сколько существенно перестраивался и наводнялся переселенцами¹. Возвращение к старым названиям нескольких улиц могло порадовать сердца лишь небольшой группы старожилов, которые могут утверждать, что их предки были «старыми ереванцами».

Специальная комиссия по переименованию, которая была создана в 1991 г., не была заинтересована в малых исторических «перескоках», она смотрела гораздо «глубже в корень», в результате чего улицы, имевшие коммунистические названия, получили новые имена, главным образом отражающие героев и реалии V в., известного как Золотой век армянской культуры. Проспект Ленина уже был переименован в проспект Маштоца в 1990 г. в честь создателя армянского алфавита; теперь примыкающая к проспекту улица Кирова, верного последователя Ленина, была переименована в улицу Корюна, ученика и биографа Маштоца. В соответствии с историческим контекстом проспект Маштоца начинается с места, где расположена улица, которая теперь носит имя Григора Лусаворича (Григория

¹ О бурном росте населения Еревана в советские годы (более чем в 20 раз) за счет миграции см.: [Арутюнян, Карапетян 1986: 30–80].

Просветителя), великого предшественника Маштоца. Эта улица была переименована вместе с проспектом Маштоца еще до работы комиссии, ее прежнее название Кармир банаки (Красной Армии) коррелировало с «просветительской» ролью Красной Армии, принесшей «свет коммунизма» в Армению. Комиссия переименовала другую улицу — Амиряна, которая пересекает проспект Маштоца ближе к его началу, в улицу Царя Врамшапуха в честь правителя, организовавшего проект Маштоцова алфавита. Правда, вскоре улица снова стала носить имя Амиряна, но не потому, что решили вернуться к советским реалиям (Амирян был одним из 26 бакинских комиссаров), а ввиду, думается, чересчур выраженной персидскости имени царя и фонетического диссонанса для армянского уха в сравнении с более благозвучным, хотя и большевистским Амиряном.

Как и полагается в подобных конструктивистских начинаниях, авторами этой демиургической работы были интеллектуалы (историки, филологи, этнографы), но они были привлечены к этой деятельности государством и их идеи поддерживались властными структурами. В любом случае это переименование «сверху». Оно было, по своей сути, противоположно переименованию, которое шло «снизу». В то время как улицы переименовывались в соответствии с «исторической моделью», магазины, кафе, рестораны и другие «объекты» (они так и называются в соответствующих документах), расположенные на этих «исторических» улицах, были названы и переименованы своими владельцами часто в прямо противоположном временном и географическом направлении.

Процесс переименования этих малых объектов продолжается неопределенно долго: «объекты» время от времени меняют своих владельцев, которые тут же меняют их внешний и внутренний вид и имя, причем названия часто ориентированы не «вовнутрь», в сторону национальной истории и территории, а «вовне», в сторону настоящего / будущего и внешнего мира (например, «Европолис», «Евростиль», «Манхеттен», «Монако»), отражая глобалистические тенденции настоящего времени.

Я оставляю в стороне примеры и логику народного наименования кварталов и улиц типа Бангладеш (из-за удаленности и периферийности) или Кувейт (из-за концентрации пунктов продажи бензина в период энергетического кризиса начала 1990-х гг.), что тоже ориентировано вовне. Картина в целом напоминает большой указатель, составленный из множества маленьких стрелок, указывающих разное направление.

Борьба за господство

Иногда получается так, что архитектурное сооружение несет в себе некие особенности, о которых автор-архитектор либо не догадывается, либо имеет смутное представление, но которые в нужное время способствуют тому, чтобы его творение превратилось в нечто гораздо более значимое и энергетически сфокусированное. Так случилось, мне кажется, в случае с Марком Григоряном, архитектором Матенадарана — хранилища древних рукописей¹. Я имею в виду борьбу за господство, в которой Матенадарану досталась вряд ли предвиденная роль победителя. Матенадаран расположен высоко на склоне холма, на вершине которого до начала 1960-х гг. возвышался громадный памятник Сталину (рис. 1, 2). Строительство Матенадарана было завершено в 1957 г., т.е. в постсталинскую эпоху, но запланировано оно для этого самого места во времена, когда монумент все еще господствовал над городом, а проспект, ведущий к музею, носил имя Сталина. Позже на месте Сталина поставили статую Матери-Армении, которая так и не стала символом города² и не принималась во внимание в борьбе за господство, о котором идет речь в данном разделе. С утратой доминирующего положения в пространстве Сталин потерял также власть над проспектом, тянущимся вниз, и тот был переименован в проспект Ленина. Позже между вершиной холма и Матенадараном появился профиль Ленина, обозначенный электрическими лампочками, так что город «контролировался» днем Матерью-Арменией (номинально), а ночью — Лениным (тайно, но явно). В 1990 г., после бурной переоценки ленинских идей, его профиль исчез из городского ландшафта, а проспект был снова переименован, на этот раз в честь Маштоца, чье имя носит Матенадаран и чей памятник (с фигурой ученика Корюна) установлен на склоне холма (рис. 3) и над проспектом, «выявившим» свое подлинное имя.

Так Матенадаран / Маштоц неожиданно стал полновластным хозяином этого ракурса городского пейзажа, после того как исчезли конкурировавшие за это место и статус грозные соперники. И не случайно во время массовых выступлений 1988 и 1989 гг., когда коммунистические власти запретили сборища на Театральной площади (площади у Театра оперы и балета, ныне площадь Свободы), народ не пошел на окраину города, как предлагали власти, а выбрал Матенадаран и примыкающий проспект для своих митингов [Abrahamian 1990: 237–238]. В дальнейшем, в том числе и сегодня, это место продолжает

¹ О музеологических аспектах этого здания см.: [Abrahamian 2006: 86–87; 310–311].

² См. об этом: [Абрамян 2003: 39–41]

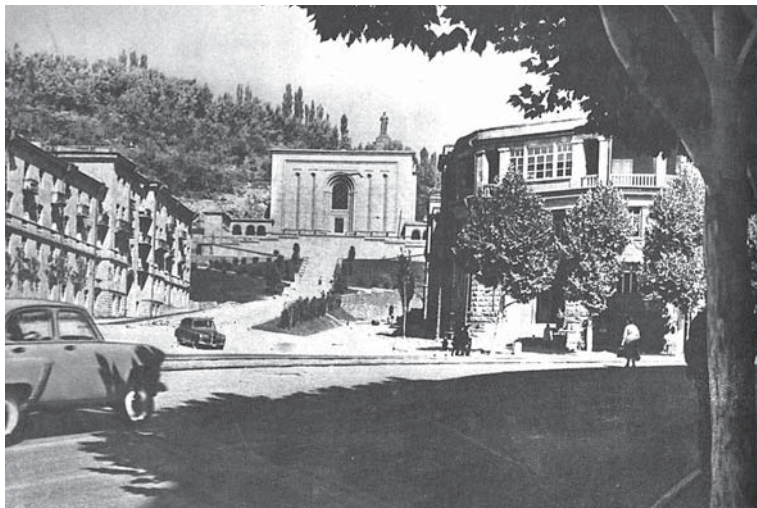

Рис. 1. Матенадаран с памятником Сталину на вершине холма, 1960 (фото А. Экекяна) [Агабабян 1960: 100].

Рис. 2. Монумент Сталину в Ереване. Открытие памятника в 1950 г. (неизвестный фотограф) [Закоян 2002: 143, № 165].

Рис. 3. Памятник создателю армянского алфавита Месропу Маштоцу и его ученику Корюну у Матенадарана. Митинг оппозиции, 2003 (фото З. Саргсяна).

оставаться излюбленным для проведения массовых собраний со стороны оппозиции (рис. 3), тем более что площадь Свободы, традиционное место массовых акций протеста с конца 1980-х гг., в настоящее время разрыта для строительства подземной автостоянки. Провластные структуры порой тоже проводят здесь свои митинги, чтобы показать, что и они могут собирать большое количество народа у этого ключевого места.

Случай Матенадарана, выигравшего битву за пространство, отличается от других случаев, когда музеи борются за власть и место. Один из примечательных примеров такой борьбы — противостояние Музея истории храму Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Музею, построенному в конце XIX в., архитектор В. Шервуд специально придал вид храма, но храма науки, каковым стал считаться музей нового, позитивистского типа начиная с 30-х гг. того же века [Энеева 1991]¹. Матенадаран как музей утвердил свое господство не в результате борьбы между наукой и религией, а благодаря особым свойствам и обстоятельствам, которые позволили научному музею продолжить традиции церковного музея, а не противостоять им [Abrahamian 2006: 310–311]. Тем не менее Матенадаран как маркер национальной идентичности выиграл (хотя и пассивно) битву за место и господство, можно сказать, у особой религии, каковой фактически являлась коммунистическая идеология.

¹ О посткоммунистических трансформациях Музея истории см.: [Khazanov 2000: 41–46].

Следующий пример показывает, как идеи архитектора начинают действовать по совсем другой схеме, нежели он мог предполагать. Тот же архитектор Марк Григорян, который построил Матенадаран, спроектировал большое здание на ереванской площади Ленина, в котором расположились под одной крышей несколько музеев: Музей истории Армении, Картинная галерея, Музей литературы и Музей революции. Архитектор, очевидно, пытался конкурировать со своим знаменитым предшественником, Александром Таманяном, который был автором первоначального варианта площади и ряда зданий вокруг нее, ставших образцами современной армянской архитектуры¹. Но на деле музей Григоряна конкурировал не с шедеврами Таманяна, а с памятником Ленину, который стоял напротив музея на другой стороне площади (рис. 4), куда поместил его, кстати, сам Марк Григорян [Григорян 1969: 61–63] (в первоначальном таманяновском плане памятник вообще не предусматривался). Если представить себе купол на вершине прямоугольного здания музея, то мы получим типичный (правда, несколько неуклюжий) храм — так нагляднее можно сравнить ситуацию на площади Ленина с той, что имела место на Красной площади. Ленин, конечно, поддерживал национальные культуры (и национальные музеи), но проявления национальной идентичности не приветствовались, а позже и преследовались со стороны после-

Рис. 4. Площадь Ленина. «Противостояние» музея (белое здание на переднем плане) и памятника Ленину (через площадь перед сквером). 1975 (неизвестный фотограф) [Закоян 2002: 29, № 11].

¹ Следы такого соперничества неявно присутствуют в мемуарах М. Григоряна [Григорян 1969] о планировке и застройке площади Ленина.

дователей Ленина (см., напр.: [Sunny 1983]). Так что памятник Ленину, стоявший напротив национального музея, может быть воспринят как символ «антимuzeя».

Интересно, что в начале 1980-х гг. столицы советских республик получили из Москвы постановление построить музеи Ленина либо на центральных площадях, либо на магистральных улицах, через которые проходили парады и демонстрации во время официальных советских праздников. В Ереване состоялись активные дискуссии, на которых ведущие архитекторы были готовы разрушить несколько сохранившихся архитектурных образцов старого Еревана, чтобы поддержать этот новый этап борьбы за пространство. Геворг Барсегян, главный архитектор центрального района Еревана, куда входила площадь, предложил предоставить здание музея Григоряна под требуемый музей Ленина (тем более что тот уже содержал Музей революции), чтобы сохранить тем самым историческую архитектуру города и в то же время переместить национальные музеи в более подходящие помещения¹, тем более что здание Григоряна лишено многих современных музейных требований. Если бы этот проект был принят, Ленин завоевал бы всю площадь — со своим именем, своим памятником и своим музеем / храмом. Эта последняя битва за место и власть закончилась в 1991 г., когда памятник Ленину был демонтирован, а площадь переименована (в площадь Республики). Памятник же Ленину нашел себе место (пока что временное и малочетное) во дворе музея (рис. 5), с которым вел борьбу в недавнем прошлом.

Конкуренция площадей

Архитекторы, по верному замечанию Мишеля Фуко [The Foucault Reader 1984: 247–248], пользуются меньшим влиянием в сфере властных отношений, чем священники, тюремщики, психиатры². Возможно, это происходит еще и потому, что порой архитектор, подобно демиургу, планирует создать чрезвычайно удобные здания или даже целые города для людей, но очень часто его последователи или даже те, кому предназначались эти структуры, преобразуют их в нечто менее утопическое, чем предполагал начальный проект. Так случилось с Ереваном, который был запланирован Александром Таманяном как маленький гармоничный город со ста пятьюдесятью тысячами

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Барсегяна за информацию и конструктивное обсуждение этого раздела.

² Тоталитарная Культура Два вроде бы является исключением в этом в целом верном наблюдении — см. [Паперный 2007] о влиянии (а также злоключениях) архитекторов, «пророков» и «жрецов» этой Культуры.

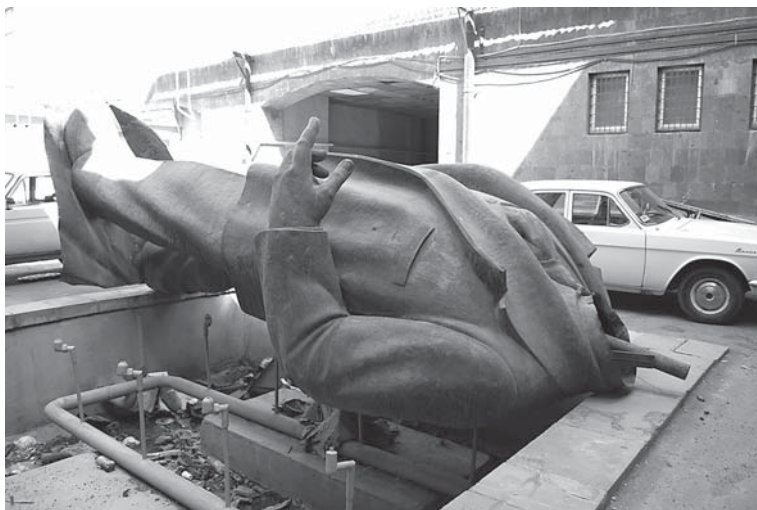

Рис. 5. Поверженный памятник Ленину во дворе здания музеев. 2007 (фото автора).

обитателей, но обернулся урбанистическим монстром с населением более миллиона в 1990 г., поглотившим маленький аккуратный город, воображенный Таманяном.

Однако иногда архаические идеи архитектора, профанированные строителями и последующими поколениями, неожиданно возвращаются, и архитектурные структуры начинают играть ту самую роль, которую их создатель когда-то для них придумал. Это случилось с лучшим творением того же Таманяна, Театром оперы и балета, в конце 1980-х гг. во время массовых народных выступлений, связанных с Карабахским вопросом (см. о нем, напр.: [A Region in Turmoil 1990]). Массовые митинги проходили на площади у Таманяновского здания, которое фактически преобразилось в Народный Дом, первоначально спланированный архитектором, где, по его замыслу, должны были проходить всенародные праздничные представления и даже демонстрации, а площадь вернула в эти дни свое архитектурно-плановое и широко не употреблявшееся название Театральная площадь (измененное позже на площадь Свободы). Более того, архитектор построил свой Театр оперы и балета на том самом месте, где, как он полагал, был некогда расположен языческий храм любви и песни¹. Именно поэтому он разрушил средневековую часовню Гетсемани (Гефсиманскую), построенную на этом месте в XII–XIII вв. (но полностью перестроенную после разрушительного землетрясения 1679 г.). Так массовые митин-

¹ Об этой идее архитектора свидетельствует также художник Мартирос Сарьян [Хачатрян 1975: 271, прим. 76]. Каких-либо исторических или археологических свидетельств такого предположения, насколько мне известно, не зафиксировано, ср.: [Кафадарян 1975].

Рис. 6. Картина Акопа Акопяна, изображающая политический праздник на Театральной площади в 1988 г. (2000, публикуется с любезного разрешения художника).

ги реализовали мечту архитектора: современное здание Театра оперы и балета превратилось в некий языческий храм, у которого развернулся архаический праздник (рис. 6).

О типологическом сходстве современных политических выступлений с архаическим праздником я здесь говорить не буду (об этом см., напр.: [Abrahamian 1990]), отмечу только, что изучение современного политического праздника выявило несколько параллельных кодов, один из которых, этимологический, относится к нашему обсуждению освоения и трансформации пространства в современной городской структуре.

Так, слову *гласность* в армянском соответствует слово *hrapurakaynut'un*, образованное от *hraparak* 'площадь'. И, наверно, не случайно народ разыгрывал «архаический» праздник на *площади*, а не где-нибудь еще. Вспомним, что площадь в центре города всегда была местом проведения массовых праздников. Площадь (*hraparak*) и гласность (*hrapurakaynut'un*) так близки друг другу, что, наблюдая за первой, можно судить о второй. И в самом деле, можно было узнать много чего о гласности в стране, просто следя за событиями на Театральной площади [Там же: 74–75].

То обстоятельство, что народ отказался перенести место своих митингов на окраину города, как предлагали власти (кстати, в 2009 г. повторился тот же сценарий), свидетельствует о некой центробежной силе, которая отражается в планировке многих городов мира. Следуя этому принципу, Александр Таманян наметил в создаваемом им городе две центральные площади, которые должны были быть соединены Северным проспектом. Одну из них, а именно Театральную, как я уже говорил, народ избрал в качестве главного места своего «празднества». Именно здесь, в здании Театра оперы и балета, запланированном вначале как Народный Дом, состоялось в конце ноября 1988 г. первое в истории Армении (и СССР) заседание народных депутатов по воле избирателей и вопреки запрету властей. Это и предшествовавшее ему состояние можно характеризовать как карнавальное гражданское общество на площади [Abrahamian 2001].

Второй центральной площадью по проекту Таманяна была площадь Ленина, где проходила уже упомянутая битва за место и власть между памятником Ленина и Музеем. В конце 1980-х гг. эта площадь считалась принадлежащей властям и народ лишь изредка совершал на ней отдельные акции. Две площади были «распределены» между противоборствующими командами (народом и властью) 7 ноября 1988 г., во время последней советской праздничной демонстрации (рис. 7). Тогда народ, повинувшись позывным трубы (митинги на Театральной площади начинались и кончались этими позывными), повернулся спиной к трибунам с верховной властью и двинулся в сторону своей — Театральной — площади. В последующем между двумя площадями проходила конкуренция по самым разным поводам, например, чья елка выше и краше — поставленная государством на площади Ленина или народом на Театральной площади / площади Свободы. Позже, в 1996 г., ставший непопулярным первый президент Левон Тер-Петросян организовал на площади Республики митинг советского типа в поддержку своей кандидатуры на второй срок, в то время как его конкурент Вазген Манукян — митинг в традициях револю-

Рис. 7. Площадь Ленина, 7 ноября 1988 г. (фото А. Марутяна).

ционного 1988 г. на площади Свободы. Конкуренты завышали число участников на своем мероприятии и занижали число участников на конкурирующей площади. В начале 2007 г. вернувший популярность опальный первый президент уже собирал народ на площади Свободы, а его оппонент, нынешний президент Серж Саркисян — на площади Республики. Причем многие участники провластного митинга, привезенные на автобусах из провинций, переходили с одной площади на другую по Северному проспекту, намеченному Таманяном, но открытому лишь в том же 2007 г.

Северный проспект, соединяющий две площади, представляет собой наглядный пример того, как под знаком следования архитектурно-демиургической идее Таманяна (на деле вольной интерпретации его предварительных набросков) современные архитекторы-градостроители разрушили последние остатки старого города, построив во многих отношениях сомнительный неоклассический комплекс в центре Еревана. Ему по разным причинам прочили пустынное сюрреалистическое буду-

Рис. 8. «Политические гулянья» на Северном проспекте, 2008. Акция протеста в защиту политзаключенных (фото Г. Шагоян).

щее в стиле картин Джорджо де Кирико¹, но неожиданно он превратился в новый центр города благодаря смещению политической активности в сторону нового проспекта. После запрета митингов на площади Свободы (1 марта 2008 г. площадь была очищена от представителей оппозиции, круглосуточно протестовавших против сфальсифицированных президентских выборов 19 февраля) протестующие устроили на Северном проспекте своеобразную ежедневную акцию протеста, получившую название «политические гулянья», а позднее другие акции (рис. 8) и даже разрешенный митинг. Осенью 2008 г. площадь Свободы надолго (по обещаниям властей — на два года) выбыла из борьбы за господство в городе, поскольку, как уже упоминалось, ее радикальным образом разрыли с целью постройки подземной автостоянки. Исключение городских центров из конкуренции за господство под предлогом благоустройства стало настолько очевидной практикой, что во время одного из митингов оппозиции огласили предложение (возможно, мнимое) жителей окраинных районов города устраивать митинги оппозиции в их пределах, чтобы власти стали благоустраивать их среду обитания.

Можно сказать, что в последнее время намечился еще один вид соперничества площадей. Он выражается в том, что новые владельцы «объектов» в старых центрах имеют склонность переез-

¹ О социальных аспектах нового проспекта см.: [Марутян 2007].

жать туда вместе со своими площадями, пусть даже такая тенденция выражена неявно. Речь идет, понятно, о названиях. Так, практически на площади Республики (на примыкающей к ней улице) сегодня располагается здание под названием «Sil Plaza». Здесь нет соответствующей площади (plaza), но в здании располагается торговый комплекс, оправдывающий «торговый» смысл слова plaza (торговая площадь, торговый центр). Однако первая часть названия — Sil — указывает на квартал Силачи (старое, но еще употребляемое название тюркского происхождения, указывающее, что здесь жили раньше красильщики), откуда родом олигарх — теперешний владелец «Sil Plaza».

Борьба за священный центр

В постсоветский период официальная церковь тоже включилась в строительную активность. Главным сооружением стал кафедральный собор, который ныне покойный католикос Вазген I мечтал построить в Ереване к 1700-летию принятия Арменией христианства. В 1992 г. был объявлен конкурс на лучший проект, и хотя многие сомневались, что строительство сумеют завершить к 2001 г., Ереван обрел к нужному сроку Кафедральный собор Св. Григория Просветителя (рис. 9). Новый храм с момента своей концептуализации и до реализации является хорошим примером того, как действует система символов армянской идентичности. Даже его масштабы (не столь очевидные из-за архитектурных особенностей) вроде бы подчинены

Рис. 9. Кафедральный собор Св. Григория Просветителя со статуей Полководца Андраника, 2008 (фото автора).

навязчивой идее иметь 1700 сидений внутри храма. В мою задачу не входит разбор архитектурных достоинств и недостатков здания, я буду касаться лишь некоторых вопросов, связанных с символическими аспектами.

Анализ работ, представленных на конкурс, показал, что большинство проектов традиционного толка представляли собой комбинацию известных памятников армянской церковной архитектуры, что не столь уж и странно. Современное поколение армянских архитекторов не так уж часто строили церкви в советское время, так что они обладали лишь теоретическим опытом, да и то основанным на шедеврах прошлого. Кафедральный собор Св. Григория Просветителя — хороший пример такой архитектурной комбинаторики. Тем не менее можно заметить интересную особенность в предложенных проектах: многие из них использовали те или иные структурные компоненты знаменитого храма VII в. Звартноц (рис. 10а). Это показывает, что современные архитекторы считают — хотя бы подсознательно — этот архитектурный шедевр бесспорным ориентиром. Звартноц уже играл такую роль духовного и эстетического ориентира в средневековье; видимо, по этой причине в Ани была построена его реплика в начале XI в. Имеется мнение, что образ Звартноца был известен и вне пределов Армении. Так, некоторые исследователи видят его в покоем на Звартноц сооружении на Ноевом ковчеге на барельефе из церкви Сен-Шапель XIII в. в Париже (рис. 10b)¹. Сходство настолько велико, что считается, что прототипом барельефа был именно Звартноц. В противном случае приходится предположить, что в средние века художники вроде бы мыслили более «струк-

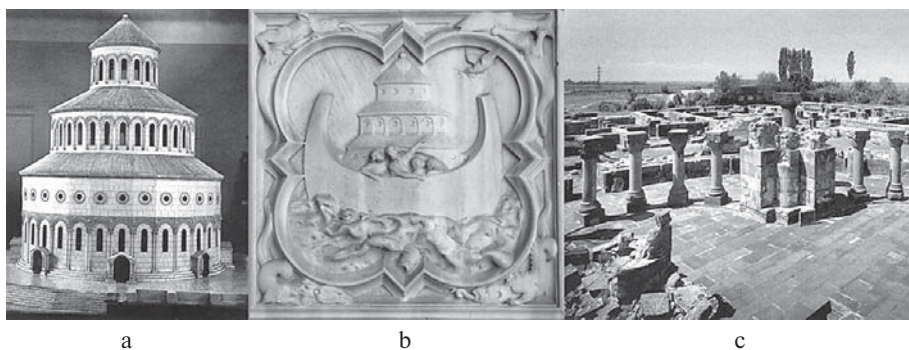

Рис. 10. (а) Храм Звартноц, VII в., макет по реконструкции Т. Тораманяна. Гос. музей истории Армении (фото З. Хачикяна) [Abrahamian, Sweezy 2001: 44, Fig. 2.3.5]. (b) Барельеф из церкви Сен-Шапель в Париже, XIII в. (фото автора). (c) Руины Звартноца (фото С. Суизи) [Abrahamian, Sweezy 2001: 44, Fig. 2.3.6].

¹ Из последних работ об этом см.: [Манучарян 1988; Марутян 1988].

туралистскими» образами, чем современные постструктуралисты: как бы подозрительно ни относились последние к трехчастной концепции мирового древа, трехъярусный храм Звартноц идеально коррелирует с этим конструктом.

В любом случае Звартноц мог бы стать настоящим символом, венчающим знаменательную годовщину христианской архитектуры. В этом смысле даже очень красивая компиляция традиционных образцов не могла конкурировать с Звартноцем. Католикос Вазген I, очевидно, понимал это, поскольку еще в ноябре 1988 г. выразил свою мечту увидеть будущий кафедральный собор в форме Звартноца, правда, размерами побольше. Следуя идее католикоса, архитектор Тиран Марутян, автор монографии о Звартноце и звартноцеподобных храмах [Марутян 1963], подготовил такой проект. Однако позже католикос изменил свое мнение под влиянием консультантов, которые хотели искать шедевры не в прошлом, а настоящем Армении.

Храм Звартноц имел также особенности другого рода, которые могли сделать его хорошим кандидатом на роль нового кафедрального собора. Его не надо реставрировать: его руины уже особый памятник (рис. 10с) и имеют право оставаться таковыми, но реплика храма, увеличенная копия, построенная с использованием антисейсмической технологии (Звартноц погиб от землетрясения), могла бы символизировать возрождение Армении в общем смысле, в том числе после разрушительного землетрясения 1988 г.

Однако Ереван обрел религиозный символ другого типа, который, несомненно, породит вопросы, связанные с идентичностью. Так, в 2002 г. перед ним был воздвигнут 10-метровый памятник генералу Андранику, известному герою времен геноцида. Генерал странным образом оседлал двух коней (рис. 9), по замыслу автора (Ара Шираза) символизирующих Восточную и Западную Армению¹ (по другой версии — Армению и диаспору²). Последнее напоминает о том, что храм построен, как утверждают, главным образом на деньги диаспоры — тема, вводящая в дискурс о городе армянскую диаспору, которая требует специального рассмотрения (ср., например, проблему пустующих элитных домов в центре города, которая имеет отношение к упоминавшемуся уже Северному проспекту [Мару-

¹ Различение Восточной и Западной Армении восходит к разделению Армении между Византией и Персией в 387 г., в результате этого и последующих политических переделов к началу XX в. имелись две несколько различающиеся в культурно-историческом отношении части армянского народа — одна в пределах России и Персии, другая — в Османской империи.

² Эта версия не противоречит первой, поскольку значительную часть армянской диаспоры составляют выходцы из Западной Армении, которые (вместе с рядом исследователей) противопоставляют себя (по «мифу о Начале» — геноциду 1915 г. — и названию — «спюрк») другой части армянского рассеяния, оказавшейся за пределами родины по другим причинам. См. об этом: [Абрамян 2005: 178–179].

тян 2007]¹). В любом случае, Ереван потерял редкую возможность приобрести мощный духовный критерий и ориентир, что неминуемо повлияло бы на быстро меняющийся облик города.

Несмотря на множество претензий и недовольство по отношению к новому собору, он тут же получил фольклорное обрамление. Так, первое венчание в соборе, по слухам, оказалось несчастливым: невесту смертельно укусил скорпион, когда она зажигала свечу, жених же не смог вынести горе утраты и умер от инфаркта. Мне не удалось проверить достоверность этой истории (знаю только, что первое венчание состоялось здесь до завершения строительства церкви и без трагического исхода). Однако эпизод со скорпионом выглядит вполне правдоподобно. Когда собор открыли для публики, помещение для возжигания свеч еще не было готово (чтобы не прокоптить интерьер свечным дымом, архитектор и / или заказчик решили разместить это культовое помещение немного поодаль, ниже церкви), так что верующие использовали с этой целью гротоподобное место, предназначенное для будущего помещения, где скорпионы вряд ли были редкостью. Это помещение быстро приняло облик святого места, типичного для народного христианства — нечто вроде языческого христианского святилища, сооружаемого набожными людьми в своих домах, разрушенных или не действовавших в советские годы церквях (ср. «домашние святыни» [Марутян 2001]). Наличие «тайного» народного «неофициального» святилища при официальном «государственном» соборе указывает, что под нынешним официальным «возрожденным» христианством лежит стабильный слой «языческого» христианства (так же, как под принятым 1700 лет назад христианством лежали (и продолжают лежать) языческие слои, как в архитектуре (буквально — под фундаментом), так и в религиозных обрядах и праздниках).

Вычеркнуть памятник из памяти

С перестройкой в Армении, как и во всем бывшем Советском Союзе, начался бурный процесс переоценки традиционных советских ключевых событий, героев и «богов», который к концу перестройки и особенно в начале постсоветского периода естественным образом переориентировался на соответствующие памятники. Понятно, что прежде всего переоценке подверглись главные «боги» советской идеологической системы, именно они стали главными врагами «памятникомборцев».

¹ Многие квартиры этих домов уже приобрели или предположительно приобретут богатые армяне диаспоры, которые будут жить в них лишь во время редких визитов.

Собственно борьба с советскими «первопредками» началась еще в 1960-е гг., после низвержения Сталина. Однако тогда это была борьба только с одним «богом», которого низвергли «божества» низшего ранга, т.е. с одним-единственным памятником, причем борьба, объявленная сверху. В Ереване тоже имелся памятник Сталину, один из самых гигантских в обширной семье подобных памятников (общая высота с постаментом — 51 м). Он был предметом гордости армян в период сталинизма (рис. 2). Я уже упоминал о нем в связи с темой борьбы за господство. После смерти и последующего развенчания Сталина памятник был демонтирован за одну ночь в 1962 г. Смерть медного двойника тирана, как и жизнь прототипа, была окружена тайной. Демонтаж, который проводила армия, стоил жизни двум солдатам — возможно, последним жертвам кровавого режима.

Поскольку памятников Сталину больше не осталось, главной мишенью бунтарской ярости стали статуи Ленина. И здесь борьба во многих случаях шла снизу, впрочем, борцы с памятниками часто предпочитали излить свою революционную ярость на памятники следующих по рангу «богов». Ленина же «культурно» демонтировали пришедшие к власти революционеры при поддержке народа, как это имело место в Ереване [Абрамян 2003: 32–34]. Впрочем, иногда памятник Ленину становился объектом необузданной ярости революционной толпы, причем порой она принимала довольно причудливые формы, как, например, в Тбилиси в августе 1990 г. [Абрамян 2003: 30].

И все же ярость памятниковборцев, как уже говорилось, чаще изливалась на памятники более низким по рангу советским «богам». Именно они крушились чрезвычайно агрессивно, в варварской эйфории. Особенно показательна в этом смысле атака на памятник Дзержинскому в Москве в ночь на 22 августа 1991 г.¹

На периферии СССР, в национальных республиках, эйфория борьбы с памятниками не ограничивалась только символами тоталитарного режима. Националисты направляли свою разрушительную ярость на все связанное с Россией, не делая в этих антиколониальных выплесках особых различий между коммунистическими лидерами и русскими деятелями культуры. В Ереване, например, некоторые памятники известным русским деятелям, установленные перед школами их имени, были удалены задолго до того, как памятник Ленину был снят в 1991 г. с центральной площади, носившей его имя.

¹ См. об этом: [Абрамян 2003: 27; Abrahamian 2006: 279–280].

Вообще можно сказать, что борьба с памятниками в Ереване не была результатом действия разъяренной толпы. Наоборот, эти монументы обычно исчезали тайно, без зрителей. Насколько мне известно, первой жертвой среди памятников стал бюст М. Азизбекова, одного из 26 бакинских комиссаров, азербайджанца по национальности. Это произошло в мае 1988 г., в разгар Карабахского движения. Говорили, что памятник, стоявший в центре площади, носившей имя Азизбекова, был случайно поврежден самосвалом, потерявшим управление (по одной версии, вследствие внезапного недомогания водителя). В отличие от бюста Чехова у школы его имени (где следы разрушений на каменных воротах перед памятником демонстрировали картину неумелых маневров водителя грузовика, ставших, по рассказу свидетелей, причиной низвержения Чехова¹), здесь мне не удалось выяснить, был наезд на памятник случайным или преднамеренным, продиктованным армяно-азербайджанским противостоянием, которое началось именно как война памятников. После смерти академика Андрея Сахарова в 1989 г. площадь была переименована в его честь, в 2001 г. здесь ему был установлен памятник.

Это переименование / смена памятников — довольно показательное явление, так как на языке памятников демонстрирует составляющие Карабахского движения и их конкуренцию. Межэтнический конфликт всегда шел параллельно (и с переменным успехом) с движением за демократические преобразования (последнее и привлекало российских демократов, в том числе академика Сахарова)². В Баку несколько позже повели памятниковую борьбу с армянами из числа 26 комиссаров, в первую очередь с их главой — армянином Степаном Шаумяном. В Ереване памятник Шаумяну работы Меркурова не попал в список коммунистических монументов, с которыми следует бороться (очевидно, благодаря национальности героя). Памятник по-прежнему стоит на площади его имени, как и его бюст перед школой.

Из памятников армянским коммунистическим и советским деятелям, вообще говоря, пострадал только памятник Гукасу Гукасяну, организатору комсомольского и пионерского движения в Армении: он был взорван в 1990 г., долгое время о нем напоминал пьедестал с барельефами, который в 2009 г. был разобран, чтобы уступить место памятнику астроному Виктору Амбарцумяну. Другие памятники революционным деятелям более умеренного типа решили вообще не трогать, как бы объ-

¹ На месте памятника вскоре поместили камень с надписью, что на этом месте будет установлен новый памятник Чехову, что и было сделано в 1998 г.

² См. об этом: [Abrahamian 2006: 223, 258–259].

явив им амнистию. Так, революционера Сурена Спандаряна «лишили лишь имени», переименовав площадь его имени в площадь Нжде — выдающегося военачальника времен Первой Республики (1918–1920), врага армянских коммунистов, следовательно, потенциально и Сурена Спандаряна (хотя тот и умер в 1916 г.). Однако в результате «амнистии» его памятник, возвышающийся на площади с 1990 г. (как говорили, его должны были поменять на памятник Нжде), так и оставили в целости и сохранности, решив поставить памятник Нжде в другом месте. Интересно, что многие люди (по свидетельству жителей кварталов близ площади Нжде), особенно молодые, не знающие предыстории площади, думают, что на ней стоит именно памятник Нжде.

К результатам той же «амнистии» можно причислить и мирное сосуществование в городе конных статуй героя Гражданской войны коммуниста Гая, воевавшего против белых, и легендарного Зоравара (Полководца) Андраника, генерала царской армии, воевавшего против турок. Эти герои «присоединились» к досоветской, советской и постсоветской «конармии» Еревана — Давиду Сасунскому, эпическому герою, воевавшему, согласно исторической реконструкции, с арабами, Вардану Мамиконяну, воевавшему с персами, и маршалу Баграмяну, воевавшему с немецкими фашистами.

Наверное, наиболее странно в списке демонтированных памятников в Ереване выглядела статуя Рабочего в индустриальном районе города. До сих пор остается загадкой, почему Рабочий разделил судьбу ключевых коммунистических деятелей. Согласно мнению некоторых жителей, памятник был удален, поскольку какие-то местные бизнесмены хотели создать на его месте комплекс из кафе, автостоянки и прочих мелких доходных служб. Таким образом, Рабочий — символ пролетарской эры социализма — уступил место новым символам наступающей эры капитализма. В конце 1990-х гг. один мой информант иронически заметил, что памятник удалили пророчески: в настоящее время, когда в Армении уже не осталось рабочих мест, больше нет нужды в памятнике, посвященном рабочему. В 2004 г. я услышал наконец «правдивую» историю о его исчезновении. Оказывается, Рабочий уехал (вместе с толпами эмигрантов) на заработки в Соединенные Штаты и даже, говорят, посылает оттуда время от времени кое-какие деньги другим памятникам, переживающим трудные времена в Армении.

Как бы «цивилизованно» ни проходила церемония демонтажа памятника и какие бы ритуально неожиданные мотивы возвращения ни возникали при этом, как в случае демонтажа памят-

ника Ленину в Ереване [Абрамян 2003: 32–34], логика политического «праздника» демонтажа направлена прежде всего на полное уничтожение памятника (к счастью, эти «праздники» вандалов пока не стали регулярными церемониями). Главная цель здесь, как я не раз уже говорил, состоит в стремлении стереть драматический исторический опыт и его антигероев из исторической памяти.

Противоположная тенденция — мемориализация в памятниках нежелательного прошлого в качестве дидактического напоминания — тоже не нова (ср. памятник китайскому злодею XII в. Цинь Гую, в лицо которого имел возможность плюнуть каждый китаец [Фон Зенгер 1995: 120, 362, прим. 15]), хотя и не так широко распространена. К этому классу памятников относятся музеи тоталитаризма, организованные в разных странах, желающих освободиться от недавнего нежелательного прошлого. В Ереване тоже планировалось устроить своеобразный парк-музей тоталитаризма, в котором среди прочего предполагалось сосредоточить памятники тоталитарного времени, в том числе упоминавшийся уже памятник Ленину. Но этому проекту не суждено было осуществиться. Первый мэр постсоветского времени А. Галстян, стоявший за этим проектом и, кстати, демонтировавший памятник Ленину, был убит в 1994 г., а Армения быстрыми темпами стала возвращаться к тоталитаризму (через утвердившийся ныне авторитаризм), так что намечавшийся музей, посвященный драматическому прошлому, грозит в скором времени быть осуществленным в контексте городского ландшафта.

Дидактическая формула «Помнить злодеев» является составляющей общей формулы памятника «Помнить памятное». Сюда же относится и «Помнить беду» — о бедах и несчастьях, насланных природой (мемориализация землетрясения 1988 г. в Гюмри [Шагоян 2009]), но чаще — «культурой» (Мемориал жертвам геноцида 1915 г.). В отличие от революционного ража крушения памятников прошлого памятники, связанные с драматическими вехами в истории народа, больше имеют дело с совмещением общей формулы «Помнить памятное» и частной «Стереть нежеланное из памяти». С подобной проблемой столкнулись в Гюмри при обсуждении проектов восстановления одного из полуразрушенных храмов — церкви Аменапркич ([Все]спасителя). Согласно одному из проектов, идея которого, насколько мне известно, принадлежала художнику Вазгену Пахлавуни-Тадевосяну, разрушенную часть храма вместе с куполом предлагалось достроить в виде каркаса со стеклами, т.е. храм достраивался «прозрачно», храня призрачную память о своем прошлом. Проект был отвергнут прежде всего по конструктивным соображениям, но имелось также мнение (здесь

для нас более существенное), что постоянное лицемерие визуальной травмы вряд ли верное решение для жителей города, эту травму переживших. Такая постановка проблемы возвращает нас к дискурсу «помнить или забыть» — извечной проблеме в сфере не только социальной / культурной антропологии, но и психологии¹. Вспомним двоякий подход к умершим: мы их боимся и принимаем меры, чтобы они не вернулись (придавливаем погребение тяжелым камнем), но при это надеемся на их возвращение / возрождение — ставим в том же месте *хач-кар* (крест-камень) с проросшим крестом.

Вновь обращаясь к проблеме восстановления разрушенного памятника, заметим, что строится он, вообще говоря, в расчете на будущие поколения (в идеале — на вечные времена). Поэтому то, что воспринималось бы как травма непосредственными ее носителями, их внуками может восприниматься как символ события, эстетизированная память. Тем не менее проблема достраивания, сохранения / уничтожения памятника подводит нас к другим аспектам «помнить или забыть» — к проблеме переинтерпретации и замещения памятника и, наконец, к пьедесталу, который оказывается не просто подставкой для памятника, но особым мистическим каналом, через который осуществляется связь между прошлыми и будущими памятниками [Абрамян 2003: 41–45], вообще прошлым и будущим. Это свойство часто передается и месту памятника, когда пьедестал уничтожают, чтобы он перестал порождать памятники, как это случилось с памятником Ленину и его пьедесталом на ереванской площади, некогда носившей его имя. Это место продолжает смущать людей — здесь строят временные помосты, воздвигают крест, устанавливают громадный монитор, заслоняющий светскими картинками память о сакральном прошлом этого места, засеивают его «травой забвения» [Abrahamian 2006: 299–300], но вечно возвращаются к новым проектам нового памятника на том же месте, апеллирующим к памяти, псевдопамяти или забвению.

Библиография

- Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. Т. XX. С. 25–49.
- Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. 2005. № 3. С. 170–194.
- Ереван / Ред. Г. Агабабян. Ереван: Арм. гос. изд., 1960.

¹ Эта амбивалентная проблема хорошо выражена в названии книги Эльзы-Баир Гучиновой «Помнить нельзя забыть» [Гучинова 2005] об антропологии депортационной травмы калмыков.

- Население Еревана. Этносоциологические исследования / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Э.Т. Карапетян. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1986.
- Григорян М.* Площадь Ленина в Ереване. Воспоминания о проектировании и строительстве. Ереван: Айастан, 1969.
- Гучинова Э.-Б.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков / С предисл. Каролайн Хамфри. Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2005.
- Мой Ереван / Автор и руководитель проекта Г. Закоян. Ереван: АКНАЛИС, 2002.
- Кафадарян К.* Ереван. Средневековые памятники и надписи на камнях. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1975 (на арм. яз.).
- Манучарян А.А.* К вопросу о Звартноце // Историко-филологический журнал. 1988. № 2. С. 187–200 (на арм. яз.).
- Марутян А.* Армения — Диаспора: встреча в центре Еревана // Арменоведческое учебное издание «Handes Amsorgeay» (Вена). 2007. С. 363–428 (на арм. яз.).
- Марутян А.* Звартноц в Ноевом ковчеге // Вопросы изучения армянской народной культуры (Культура и язык): Тез. докл. / Ред. З.В. Харатян, Г.Л. Петросян. Ереван, 1988. С. 49–51.
- Марутян А.* Явление «святыня дома»: вопрос об истоках и сегодняшние проявления // Святые и святылища армян: истоки, типы, культ / Ред. С. Арутюнян, А. Калантарян. Ереван: Hayastan, 2001. С. 337–346 (на арм. яз.).
- Марутян Т.* Звартноц и памятники типа Звартноц. Ереван: Naupethrat, 1963.
- Паперный В.* Культура Два. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Фон Зенгер Х.* Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Культура», 1995.
- Хачатрян Г.* Артавазд. Ереван: Hayastan, 1975 (на арм. яз.).
- Шагоян Г.А.* Мемориализация землетрясения в Гюмри // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 328–369.
- Энеева Н.Т.* Здание исторического музея в Москве и феномен музейности в культуре XIX века // Памятник в контексте культуры. Сб. науч. тр. / Сост. Н.Т. Энеева. М.: ГНИМА, 1991. С. 89–106.
- A Region in Turmoil: Armenia // Soviet Anthropology & Archeology. Fall 1990. Vol. 29. No. 2.
- Abrahamian L.* Armenian Identity in a Changing World. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, Inc., 2006.
- Abrahamian L.* Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations. (The Karabakh Movement in the Eyes of an Ethnographer) // Soviet Anthropology & Archeology. Fall 1990. Vol. 29. No. 2. P. 70–86.
- Abrahamian L.* Civil Society Born in the Square: The Karabagh Movement in Perspective // The Making of Nagorno-Karabagh: From Seces-

sion to Republic / Ed. by Levon Chorbajian. Basingstoke, U.K.: Palgrave, 2001. P. 116–134.

Khazanov A.M. Selecting the Past: The Politics of Memory in Moscow's History Museums // *City & Society*. 2000. Vol. XII. No. 2. P. 35–62.

The Foucault Reader / Ed. by Paul Rabinow. N.Y.: Pantheon Books, 1984.

Suny R.G. Armenia in the Twentieth Century. Chico, Calif.: Scholars Press, 1983.